

Дударева Марианна Андреевна

МОРТАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗЕ И. А. БУНИНА "НА КРАЙ СВЕТА": ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭСТЕТИКА

В статье рассматривается функционирование фольклорной традиции в прозе И. А. Бунина. Объектом исследования выступает ранний рассказ "На край света". Проводятся параллели с традициями русского фольклора, погребальной и заговорной обрядностью; извлечение архетипического смысла текста позволяет иначе взглянуть на психологию поведения героев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 20-22. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

для казенно-официальной «антикультовой» прозы (негативная оценка личности Сталина и его роли в организации репрессий, при этом уверенность в общей правильности коммунистического курса), и черты, присущие диссидентской литературе (глубокий художественно-философский анализ изображаемых процессов и явлений).

Список литературы

1. Алдан-Семенов А. Барельеф на скале [Электронный ресурс]. URL: <http://az-libr.ru/index.htm?Persons&000/Src/0010/2276c167> (дата обращения: 21.04.2016).
2. Ардамацкая Д. А. Варлам Шаламов и поэтика после ГУЛАГА // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 2. С. 137-143.
3. Бойко С. С. «Лагерная проза» как этап формирования литературы нового типа // Новый филологический вестник. 2015. № 3 (34). С. 65-81.
4. Большев А. О. Наука ненависти. Очерки о конфронтационно-невротической ментальности. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2012. 192 с.
5. Гинзбург Е. Крутой маршрут. М.: Изд-во АСТ, 2015. 880 с.
6. Евтушенко Е. Братская ГЭС. М.: Молодая гвардия, 1990. 35 с.
7. Левченко С. О. Критика классической эстетики в «Колымских рассказах» В. Шаламова (на примере рассказа «Боль») // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2013. № 3. С. 67-71.
8. Минералов А. Ю. «Каторжно-лагерная» сюжетно-образная традиция в русской прозе XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 106-112.
9. Михайлик Е. Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 356-375.
10. Сафронов А. В. После «Архипелага» (поэтика лагерной прозы конца XX века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2013. № 3 (40). С. 139-154.
11. Симонов К. Живые и мертвые. Трилогия. М.: Худ. лит., 1989. 508 с.
12. Синбаригова Э. А. Художественное осмысление «лагерной темы» и преломление традиций «лагерной прозы» в романе Канты Ибрагимова «Прошедшие войны» // Известия Чеченского государственного педагогического института. 2015. Т. 5. № 4 (12). С. 17-21.
13. Старикова Л. С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-4 (62). С. 169-174.
14. Юмдылыкова Б. Н. Концепция смерти в «лагерной» прозе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2007. № 4. С. 75-81.

OFFICIAL IDEOLOGEMES OF THE 1950-1960S IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE BOOK BY Y. S. GINZBURG “JOURNEY INTO THE WHIRLWIND”

Wang Lin

*Saint Petersburg University
wanglin89@yandex.ru*

The article examines the memoirs by Y. S. Ginzburg “Journey into the Whirlwind” in the context of the so called “prison camp literature” the authors of which with different reliability level depicted in their books their personal tragic experience of staying in Stalin’s torture chamber. The originality of Y. S. Ginzburg’s autobiographical novel lies in the fact that it paradoxically combines the features typical for the official “anti-cultic” prose and the features characteristic for dissident literature.

Key words and phrases: Yevgenia Ginzburg; memoirs; “Journey into the Whirlwind”; official discourse; dissident discourse; anti-cultic literature.

УДК 82:801.6; 398:801.6

В статье рассматривается функционирование фольклорной традиции в прозе И. А. Бунина. Объектом исследования выступает ранний рассказ «На край света». Проводятся параллели с традициями русского фольклора, погребальной и заговорной обрядностью; извлечение архетипического смысла текста позволяет иначе взглянуть на психологию поведения героев.

Ключевые слова и фразы: миф; фольклор; литература; Бунин; архетип; танатос; семантика цвета.

Дударева Марианна Андреевна

*Московский финансово-юридический университет
marianna.galieva@yandex.ru*

МОРТАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗЕ И. А. БУНИНА «НА КРАЙ СВЕТА»: ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭСТЕТИКА

Танатология в России зародилась не так давно – в 70-е гг. XX века. Серьезные литературоведческие танатологии стали появляться лишь в 90-е гг. XX века и посвящены они преимущественно поэтике М. Ю. Лермонтова [8], А. С. Пушкина [5; 15], Л. Н. Толстого [16], А. Платонова [4; 9]. Исследователи главным образом обращаются

или к внешним проявлениям смерти, то есть физической, или к смерти в онтологическом понимании. Однако, как нам кажется, назрела потребность в более обстоятельном разговоре о генезисе мортальных образов, о включенности темы смерти, возникающей в русской философии, русской литературе, в мощную систему национальной аксиологии. В связи с этим стоит обратиться к фольклорному мировоззрению, к разным жанрам фольклора, которые пронизаны мортальными образами. Конечно, здесь интересен в целом комплекс погребальной обрядности, выраженный в абсолютно разных пластах и жанрах фольклора. Во-первых, это причет, характерный мотив ожившего покойника, в котором осуществляется связь того и этого света. Стоит отметить, что в последних сборниках статей, посвященных вопросам танатологии в русской культуре и литературе, фольклористы уже обращались к этому материалу [19]. Очевидна тема смерти и в русских загадках, в основе которых лежит архетипическая модель «птица + лодка» («Сидит уточка на плоту», «Сидит сова на корыте» [6, с. 252]). Также важно определение смерти как инициации, как пути, выраженного в разных *топосах* сказки. Но идея переходности, возрождения в новом качестве, а именно так воспринимается смерть человеком архаических представлений, выражена и в дожанровых формах, во внетекстовой действительности. Например, проводы Костромы, Масляницы, Русалочья неделя ознаменованы сменой свойства ритуального героя, который возрождается в новом статусе [18, с. 205].

Русская литература впитала в себя знания фольклора, архаические понятия о Космосе и дала представление о человеке, приобщенном к надмирному, метафизическому. Конечно, вместе с этим в художественный мир русских писателей органично вошли темы *Эроса* и *Танатоса*, столь актуальные для национальной аксиологии. Не обошел стороной эти темы и И. А. Бунин. В литературоведении достаточно много работ, посвященных концептам «любви» и «смерти» в поэтике Бунина, в частности подробно анализируются танатологические мотивы «Темных аллей» [7; 10].

Откуда черпал это трагическое, нередко темное стихийное начало писатель? М. К. Азадовский, изучавший фольклоризм Бунина, указывал на то, что в фольклоре, в народной стихии Бунин видел трагическое, вся скорбь народа перешла из устно-поэтического в художественное: «<...> в самой фольклорной традиции, в ее обрядах и бытовых проявлениях писатель находил дикие, мрачные образы» [1, с. 131]. Это заставляет задуматься над генезисом *мортальных образов* и природой танатологических мотивов в поэтике Бунина. Здесь стоит сказать об особом типе фольклоризма его произведений. С одной стороны, исследователи, первыми разрабатывавшие эту проблему, указывали на книжный характер фольклоризма Бунина и, главным образом, стремились отыскать всевозможные источники, на которые мог опираться автор при создании того или иного образа [14]. С другой стороны, появился ряд новых работ, утверждающих синкретический латентный характер фольклоризма. Особо выделяются статьи В. А. Смирнова, который обратил внимание на оппозицию «Эрос – Танатос», идущую от архаических фольклорных основ [17]. К тому же и в теории литературы давно выделены разные типы фольклоризма: регистрирующий, стилизации и заимствования, внутренний. С этих позиций представляется особенно интересным творчество Бунина, во-первых, хорошо знавшего фольклор в разных его жанрах, изучавшего и даже собиравшего, во-вторых, творчески его перерабатывавшего. Сам писатель стремился именно к художественному осмыслению фольклора, отвергая, например, ремизовские стилизации и переделки [11, с. 146]. В контексте такого теоретического и бунинского посылов обратимся к раннему рассказу «На край света» (1894), который упоминался уже Э. В. Померанцевой в контексте фольклорной проблематики. Однако ученый обращает внимание лишь на факт включения думы в текст, что делает фольклоризм регистрирующим, внешним.

Рассказ достаточно прост по своей фабуле – люди переживают великое переселение, которое их обязывает к полнейшей смене уклада жизни. Кому-то этот переезд доступен, кому-то – нет (за неимением должной суммы денег). Однако *внутренний сюжет* произведения куда сложнее: Буниным изображается человек «на пороге». Само пространство степи, звезды, месяц, сопровождающие человека, задают *ритуальный орнамент* в рассказе. Особенно показателен фрагмент третьей части, где описывается старик, не смогший уехать из села и оставить родную хату. Сначала читатель сталкивается с описанием пространства за рекой, за Перевозом: «Старинный Великий Перевоз сереет своими скученными хатами в котловине у подошвы каменистой горы. Смутно, как полосы спелых ржей, желтеют за рекой пески» [3, с. 300]. И здесь дано уже *чужое* пространство, но его описание важно для понимания в ритуальном плане обстановки, которая окружает героев. Казалось бы, привычное сочетание «желтеющие пески» отсылает нас в бунинском контексте к фольклорной константе, эпитетосочетанию *песочки желтые*, которое связано с погребальной действительностью [2, с. 5]. Пространство, куда направляются жители села, априори чужое. Для них этот переезд подобен инициации. Сама степь и ночь заставляют как бы переродиться, возродиться героев в новом качестве: «засыпали они, закрывая головы свитками, и все думали об одном, – о далекой неизвестной стране на краю света, о дорогах и больших реках в пути, о родном покинутом селе...» [3, с. 302]. Они должны преодолеть лиминальное состояние, в котором оказались из-за переезда.

На космический, не бытовой, характер пути указывает и звездная символика. И покинутые хаты, и возы в степи даны сквозь призму звездного света: «Южное ночное небо в крупных жемчужных звездах. Темный силуэт неподвижного тополя рисуется на фоне ночного неба. Под ним чернеет крыша, белеют стены хаты. Звезды сияют сквозь листья и ветви...» [Там же, с. 301] – так выглядят оставленные дома (третья часть); «В звездном свете темнели беспорядочно скученные возы, виднелись фигуры лежащих людей и наклоненных к траве лошадей» [Там же]. В русских заговорах звездная символика, вписанная в общую формулу «небесного ограждения», указывает на космическую природу человека, подпоясывающегося небесными светилами [13] (солнцем, луной, облаками и т.д.). Значит, бунинским героям дано испытание «на вырост», и сам *топос степи* является иницирующим и переходит в *топику*. Для одних героев это топика смерти: «Распрягли лошадей, сварили ужин; то вели беспокойные разговоры, то угрюмо молчали и сторонились друг друга...» [3, с. 301].

Для других – надежда обрести новое: «все думали об одном – о далекой неизвестной стране на краю света, о дорогах и больших реках в пути, о родном покинутом селе...» [Там же, с. 302]. Однако модель края света, связанная с иномирной действительностью, здесь выступает не просто в качестве какого-то идеального топоса (как, например, пушкинский Предел Армиды в «Руслане и Людмиле»), а приобретает черты *культурной эволюционирующей топик*. Пространственные перемещения героев воплощают собой инициацию, в которой возможна смерть (переезд) с последующим возрождением (надежда обрести новые земли и дом).

Бунин представил тип *человека порога*, перед которым стоит выбор, но этот выбор и путь носят космический ритуальный характер. Таково положение и сказочных, былинных героев, которых, стоит отметить, выбор пути нередко застает именно в поле/степи [12] (пространственная модель одна). Бунин точно угадал в ритуальном отношении место действия – равнина, звездная ночная степь. Этот топос характерен, например, и для поэтики А. П. Чехова, поместившего своих героев, *людей порога*, также в степь (повесть «Степь»). Фольклоризм Бунина носит латентный характер; моральные образы (здесь пески, звезды, степь) генетически связаны с фольклорным мировоззрением. Автор придает привычной фольклорной модели «края света» своеобразную динамику, что отражено и в заглавии. «На край света» – путешествие в неизведанное, лежащее *за пределами данного*, обыденного, которое или преодолевает герой, или нет.

Список литературы

1. Азадовский М. К. Фольклоризм И. А. Бунина // Русская литература. 2010. № 4. С. 126-148.
2. Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Пробная статья «Желтый» // Фольклорная лексикография: сб. науч. тр. Курск: Изд-во КГПУ, 1995. Вып. 4. С. 3-12.
3. Бунин И. А. На край света // Бунин И. А. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 1. С. 297-302.
4. Галиева М. А. Фольклорное мировоззрение А. Платонова: «Рассказ о мертвом старике» и «Божье дерево» // Казанская наука. 2015. № 7. С. 62-64.
5. Ершенко Ю. О. Поэтика сна в творчестве А. С. Пушкина: дисс. ... к. филол. н. М., 2006. 204 с.
6. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1876. 33 с.
7. Коновалов А. А. К вопросу о мотиве смерти в книге И. А. Бунина «Темные аллеи» // Проблемы эволюции русской литературы XX века: материалы Межвуз. науч. конф. М.: МПГУ, 1995. Вып. 2. С. 107-109.
8. Косяков Г. В. Проблема смерти и бессмертия в лирике М. Ю. Лермонтова: дисс. ... к. филол. н. Омск, 2000. 197 с.
9. Кулагина А. Тема смерти в фольклоре и прозе А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / ИМЛИ РАН. М.: Наследие; Наука, 2000. Вып. 4. С. 345-357.
10. Ли Сан Чул. Тема любви и смерти в «Темных аллеях» И. А. Бунина: философско-эстетический контекст: дисс. ... к. филол. н. М., 2016. 170 с.
11. Мальцев Ю. В. Иван Бунин. 1870-1953. Франкфурт-на-Майне – М.: Посев, 1994. 432 с.
12. Неклюдов С. Ю. Дорога героя // Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. С. 136-166.
13. Познанский Н. Заговорные мотивы // Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М.: Индрик, 1995. С. 164-280.
14. Померанцева Э. В. Фольклор в прозе Бунина // Литературное наследство: в 103-х т. / ред. В. Р. Щербина. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 139-152.
15. Проданик Н. В. Топосы смерти в лирике А. С. Пушкина: дисс. ... к. филол. н. Омск, 2000. 193 с.
16. Семикина Ю. Г. Художественная танатология в творчестве Л. Н. Толстого 1850-1880-х гг.: образы и мотивы: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2002. 180 с.
17. Смирнов В. А. Бунин // Смирнов В. А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX века): Пушкин. Лермонтов. Достоевский. Бунин. Иваново: Юнона, 2001. С. 162-200.
18. Тульцева Л. А. Троице-русальский круговорот // Тульцева Л. А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян // Рязанский этнографический вестник / гл. ред. В. В. Коростылев. Рязань: Рязанская областная типография, 2001. № 30. С. 143-213.
19. Югай Е. Ф. «Живое» и «мертвое» в похоронных и поминальных причетах Вологодской области // Мортальность в литературе и культуре: сб. науч. тр. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 159-172.

MORTAL IMAGES IN I.A. BUNIN'S STORY "TO THE EDGE OF THE WORLD": FOLKLORE AESTHETICS

Dudareva Marianna Andreevna
Moscow University of Finance and Law
marianna.galieva@yandex.ru

The article considers the functioning of folklore traditions in I. A. Bunin's prose. The object of the research is the early story "To the Edge of the World". The paper draws parallels with the traditions of the Russian folklore, funerary and magic rites. Reconstructing the archetypal sense of the text allows taking another look at the psychology of the characters' behaviour.

Key words and phrases: myth; folklore; literature; Bunin; archetype; thanatos; semantics of colour.